

(Статья Александра Шубина).

Нестор Иванович Махно думал, что он родился 27 октября 1889 года. Метрическая книга говорит, что 26 октября 1888 года в семье Ивана Родионовича Михно и его законной жены Евдокии Матвеевны родился сын Нестор. На следующий день он был крещен. Родители исказили год рождения сына, чтобы подольше не отдавать его в армию. Впрочем, в царскую армию молодой Нестор так и не попадет, а родительская выдумка спасет ему жизнь, когда по малолетству смертная казнь для него будет заменена каторгой.

Получив начальное образование, Махно поступил чернорабочим на чугунолитейный завод Кернера.

Жизнь Махно до 1906 года напоминает историю о сапожнике, который был по способностям самым выдающимся полководцем мира, но за всю жизнь так и не попал на войну. Но в 1906 г. он примкнул к террористической “Крестьянской группе анархистов-коммунистов” - группе гуляйпольских “робин-гудов”, нападавших на помещиков и полицейских. Махно участвовал в перестрелках, неоднократно арестовывался, но только в 1908 г. на него сумели найти убедительные улики.

22 марта 1910 г. Нестор Махно вместе со своими товарищами “за принадлежность к злонамеренной шайке, составившейся для учинения разбойных нападений, за два нападения на жилой дом и покушение на такое же нападение” был приговорен к смертной казни через повешение. К этому времени Махно не участвовал ни в одном убийстве и по законам “мирного времени” должен был получить каторгу. Но в стране развернулся столыпинский террор.

Нестор ждал исполнения приговора. Он не знал, что в это время бюрократические органы продолжают решать его судьбу. Решающую роль сыграла подделка даты рождения - Махно все еще был несовершеннолетним. Это позволило властям учесть и то, что его собственные преступления не сопровождались гибелью людей. В итоге Столыпин лично санкционировал замену смертной казни вечной каторгой.

2 августа 1911 г. Махно был отправлен в Московскую центральную пересыльную тюрьму (Бутырки), где и “осел”. Здесь он продолжал бунтовать, спорил с тюремным начальством, за что часто отправлялся в карцер. Итог - туберкулез, болезнь, которая приведет Нестора Ивановича к смерти в 1934 г. Тем временем продолжалось формирование мировоззрения молодого революционера. Судьба снова укрепила его в анархистских взглядах, послав сокамерником П.Аршинова - бывшего большевика, а с 1904 г. - анархиста-коммуниста, последователя Кропоткина. Аршинов изложил Махно основы идеологии анархизма, как он сам ее понимал.

Крушение Империи в феврале 1917 г. привело к политической амнистии. Махно вернулся в Гуляй-поле. В своих действиях он опирается на воссозданную группу анархо-коммунистов (далее - ГАК), состоящую из его еще дореволюционных товарищей. Выступая перед группой сразу по приезду в Гуляй-поле, Махно определил в качестве важнейших задач "разгон правительственных учреждений и объявление вне всяких прав на существование в нашем районе частной собственности на земли, фабрики, заводы и другие виды общественных предприятий".

Махно и ГАК быстро создали систему общественных организаций под своим контролем - Крестьянский союз (затем - совет), профсоюзы, заводские комитеты, комитеты бедноты, кооперативы. Вскоре Совет стал единственной властью в этих местах. Председателем совета стал Махно. Одновременно он возглавлял и местные профсоюзы.

7 октября под его руководством обсуждался конфликт на металлургическом заводе Кернера ("Богатырь"). Администрация считала возможным поднять зарплату всем категориям рабочих на 50%, а сами рабочие настаивали на дифференцированном подходе, при котором зарплата поднимается на 35-70% разным категориям для сближения уровней оплаты. После переговоров с представителями профсоюза М.Кернер согласился на их условия.

Махновский профсоюз приобрел в районе большой авторитет. В октябре работники мельницы "Трищенко и компания", не состоявшие в профсоюзе, обратились к организации с просьбой "о понуждении владельцев мельницы" к прибавлению зарплаты. Вероятно, у Махно, совмещавшего руководство профсоюзом с лидерством в крупнейшей местной политической группировке (притом вооруженной), были свои методы "понуждения" предпринимателей к соблюдению прав рабочих в условиях растущей инфляции. Но использовать такие "американские" методы в пользу работников, не входящих в профсоюз, Махно не собирался. "Профбосс" помнил об интересах своей организации и демонстративно отклонил просьбу работников мельницы Трищенко на том основании, что они не вступили в профсоюз. Таким образом Махно стимулировал рост рядов - для того, чтобы пользоваться его покровительством, рабочие должны были войти в организацию. Дело рабочих мельницы Трищенко подтолкнуло Махно к тому, чтобы сделать членство в Союзе обязательным, а сам профсоюз превратить в орган, который в сфере социальных вопросов может отдавать распоряжения администрации. 25 октября (в день большевистского переворота в Петрограде) в соответствии с решением собрания рабочих от 5 октября правление профсоюза постановило: "Обязать владельцев названных мельниц производить работы на три смены по 8 часов, приняв через профессиональный союз недостающих рабочих. Рабочим, не состоящим членами профсоюза, вменить в обязанность немедленно записаться в члены Союза, в противном случае они рискуют лишиться поддержки Союза". Эта синдикалистская реформа почти ликвидировала безработицу в районе и усилила организационную опору Гуляй-польского режима. Был взят курс на всеобщее введение восьмичасового рабочего дня.

В Гуляй-поле потянулись за советом и помощью крестьяне из соседних волостей. Крестьянство стремилось захватить земли помещиков и кулаков. Это требование Махно ставит на первых съездах советов района, прошедших в Гуляй-поле. Предложение анархо-коммунистов объединиться при этом в коммуны успеха не имело. Но сам Махно и его молодая жена Анна работали в коммуне. Аграрная программа движения предполагала ликвидацию собственности помещиков и кулаков "на землю и на те роскошные усадьбы, которые они своим трудом не могут обслужить." За помещиками и кулаками сохранялось право хозяйствования, но только своим трудом.

Уже с июня крестьяне прекратили вносить арендную плату, нарушая тем самым указания правительственных чиновников. Но немедленно провести аграрные преобразования не удалось. Сначала их задержал острый конфликт с уездным комиссаром Временного правительства Б.Михно, затем - сбор урожая. Чтобы не нарушать производственный процесс, крестьяне отложили основные преобразования до весны. В августе Махно провел уничтожение земельных документов. По воспоминаниям Махно, "на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в

лице заведующих, чтобы помещики не распродали его". Уже эта реформа быстро дала результат - крестьяне работали на бывших помещичьих землях не за страх, а за совесть, собрав самый большой урожай в губернии. 25 сентября съезд Советов и крестьянских организаций в Гуляй-поле провозгласил конфискацию помещичьих земель и передачу их в общественную собственность.

Весной 1918 г. началось наступление немцев на Украину. Махно готовился к сопротивлению, но в его отсутствие в Гуляй-поле произошел переворот националистов. Пришлось покинуть Украину. Махно путешествовал по России и даже посетил Кремль, где встретился с Лениным. Лидер большевиков произвел на Махно большое впечатление, но во взглядах они не сошлись.

4 июля 1918 г. Махно с помощью большевиков вернулся в родные края, сколотил небольшой партизанский отряд, который 22 сентября начал боевые операции против немцев. Первый бой отряд Махно дал в селе Дибровка (Б.Михайловка) 30 сентября. Объединившись с небольшим отрядом Щуся, партизанившим здесь ранее, Махно с группой в три десятка бойцов сумел разбить превосходящие силы немцев. Авторитет нового отряда в округе вырос, а сам Махно получил почетное прозвище "батько". Когда в ноябре 1918 г. разразилась революция в Германии, и немцы оставили Украину, под контролем Махно оказался обширный район Приазовья. На короткое время "батько" даже занял один из крупнейших городов Украины Екатеринослав, но из-за противоречий с союзниками-большевиками не смог удержать город от наступающих петлюровцев.

В это время Махно предпринимает шаги к превращению движения из разрушительного крестьянского восстания в организацию, осуществляющую верховную власть на контролируемой территории. Усиливались конфликты Махно с некоторыми командирами. В ответ на очередную расправу полусамостоятельного командира Щуся над немецкими колонистами Махно арестовал его и обещал в следующий раз расстрелять. Щуся, который еще недавно демонстрировал свою независимость от Махно, теперь уже не мог противостоять "батьке", власть которого в районе к этому времени опиралась не только на военную силу: "Щуся давал слово не повторять убийств и клялся в верности Махно", - вспоминает Чубенко. В последствии Махно удавалось поддерживать прочную дисциплину среди командного состава. Так, один из сотрудников Л.Каменева вспоминал о стиле руководства Махно совещанием комсостава во время визита председателя СТО в Гуляй-поле: "При малейшем шуме производившему его угрожал: "Выведу!" Первой общественно-политической организацией, проводившей политику Махно и оказывавшей на него влияние, стал Союз анархистов, возникший на основе ГАК и ряда других анархистских групп. В Союз вступили многие махновские командиры и прибывшие в район анархисты. Но заняв относительно устойчивую территорию, Махно решил, что пришло время вернуться к социально-политической системе 1917 г. и заменить случайное анархистско-военное окружение устойчивым демократическим институтом - Военно-революционным советом (ВРС). Для этой цели 23 января в Большой Михайловке был созван I съезд советов района (нумерация съездов 1919 г. игнорирует форумы 1917 г.).

Как и в 1917 г., Съезды считались в Махновском движении высшим авторитетом. Их решения вступали в силу в том или ином районе после одобрения сельскими сходами. В 1919 г. таких съездов было три (23 января, 8-12 февраля, 10-29 апреля). Их резолюции, принятые после жарких дискуссий, созвучны анархистским идеям: "В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное

общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков". Резко высказывались делегаты съезда против "дармоедов чиновников", которые являются источником "насильственных указок".

Важным органом власти был штаб Махно, занимающийся даже культурно-просветительской работой, но вся его гражданская (формально и военная) деятельность находилась под контролем исполнительного органа съезда - Военно-революционного совета.

Большевик В.Антонов-Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал: "налаживаются детские коммуны, школы, - Гуляй-поле - один из самых культурных центров Новороссии - здесь три средних учебных заведения и т.д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая орудия и выдвываются замки к орудиям". Детей учили грамоте, занимались военной подготовкой, преимущественно в форме военных игр (подчас весьма жестоких). Но основная просветительская работа проводилась не с детьми, а со взрослыми. Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами. Сохранялась свобода агитации и для других левых партий, но анархисты идеологически доминировали в районе.

Идеологию движения определяли взгляды Махно и приехавшего к нему Аршинова. Махно называет свои взгляды анархо-коммунизмом "бакунинско-кропоткинского толка". Позднее Махно предлагал следующее государственно-общественное устройство: "Такой строй я мыслил только в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников". В конце 1918 г. к Махно пришла делегация рабочих-железнодорожников. Рабочие, по воспоминаниям Чубенко, "стали спрашивать, как им быть в отношении организации власти. Махно ответил, что нужно организовать совет, который должен быть не зависим ни от кого, то есть свободный совет, не зависимый ни от каких партий. Тогда они обратились к нему, чтобы он дал им денег, так как у них нет совершенно денег, а деньги им нужны для выплаты рабочим, которые три недели не получают жалованья. Махно, не говоря ни слова, велел дать двадцать тысяч денег, что и было сделано". 8 февраля 1919 г. в своем воззвании Махно выдвигал такую задачу: "Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, исполнителями тех законов, тех порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде..." Добровольная мобилизация, объявленная на II съезде, привела к замене полусамостоятельных отрядов "батек" организованным ополчением с единым командованием. Поддерживался порядок и в самом районе. На территории махновцев произошел только один случай погрома, которыми так богата история гражданской войны. Виновные были схвачены и расстреляны.

В соответствии с решениями III съезда советов каждый населенный пункт должен был выставить полк (80-300 человек), который затем вооружается, избирает командование и выступает на фронт. Вместе сражались люди, которые давно знали друг друга и доверяли командиру. Деревня, выставившая полк, охотно снабжала его - ведь полк состоял из родственников крестьян. Бойцы, в свою очередь, знали, что отступить на сотню километров - значит, поставить под удар собственные хаты.

Между тем махновцы, еще в начале января вобравшие в свой состав несколько тысяч полувооруженных повстанцев Приазовья, страдали от нехватки боеприпасов и винтовок. Несколько дней боев с белыми - и боезапас был израсходован, а повстанцы прижаты к

Гуляй-полю. Сдавать свою "столицу" они не хотели. С 24 января до 4 февраля здесь велись ожесточенные бои с переменным успехом.

Несмотря на противоречия с большевиками, махновцы в сложившихся условиях были обречены на союз с ними. Единственную возможность достать боеприпасы и вооружение давала Красная Армия. Еще в начале января Махно приказывал А.Чубенко: "Может удастся соединиться с Красной армией, которая по слухам захватила Белгород и перешла в наступление по всему Украинскому фронту. Если будешь иметь с ней встречу, заключи с ней военный союз". Махно не дал Чубенко полномочий на ведение каких-либо политических переговоров с красными, и эмиссар "батько" ограничился лишь заявлением о том, что "мы все идем за советскую власть". После переговоров с Дыбенко 26 января махновцам были переданы патроны, позволившие уже 4 февраля перейти в наступление. Взяв Орехов и Пологи, 17 февраля махновцы заняли Бамут. Махновцы вошли в качестве 3-й бригады в состав Первой Заднепровской дивизии под командованием Дыбенко.

Большевистские винтовки позволили вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии стала расти как на дрожжах, обгоняя по численности и дивизию, и 2-ю Украинскую армию, в составе которой 3-я бригада сражалась позднее. Если в январе у Махно было около 400 бойцов, то в начале марта - уже 1000, в середине марта 5000, а в апреле 15-20 тысяч. Пополнившаяся в результате "добровольной мобилизации", махновская бригада развернула наступление на юг и восток. Первоначально красные командиры относились к формированию махновцев скептически: "Под Бердянском дело - табак. Махно льет слезы и вопит о поддержке". Через неделю, однако, пройдя с боями за полтора месяца свыше 100 км, махновцы ворвались в Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

Одновременно другие махновские части отодвинули на такое же расстояние фронт на восток, войдя в Волноваху. Махновцы захватили у белых эшелон с 90 тысячами пудов хлеба и отправили его голодающим рабочим Москвы и Петрограда.

Махновская армия представляла инородное тело в РККА, и не удивительно, что уже в феврале Л.Троцкий потребовал ее преобразования по образу и подобию других красных частей. Махно ответил: "Самодержавец Троцкий приказал разоружить созданную самим крестьянством Повстанческую армию на Украине, ибо он хорошо понимает, что пока у крестьян есть своя армия, защищающая их интересы, ему никогда не удастся заставить плясать под свою дудку Украинский трудовой народ. Повстанческая армия, не желая проливать братской крови, избегая столкновения с красноармейцами, но подчиняясь только воле трудящихся, будет стоять на страже интересов трудящихся и сложит оружие только по приказанию свободного трудового Всеукраинского съезда, на котором сами трудящиеся выразят свою волю".

Конфликты между махновцами и большевиками нарастали. Махновские съезды критиковали политику большевиков, коммунистические вожди требовали покончить с самостоятельностью движения. Прекратилось снабжение махновцев, что создавало угрозу фронту. Большевистская пропаганда сообщала о низкой боеспособности махновцев, но позднее, командарм Антонов-Овсеенко писал: "прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места - района Гуляй-поля, Бердянск - неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении организованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги".

Чтобы решить проблему со снабжением, Махно решил преобразовать свою непомерно разросшуюся бригаду хотя бы в дивизию. Это было воспринято большевиками как недисциплинированность, и командование Южного фронта приняло решение о разгроме махновцев. Большевики явно переоценивали свои силы, тем более, что именно в этот момент началось наступление деникинцев. Они ударили по стыку махновцев и РККА в тот момент, когда большевики напали на махновские тылы. Сопротивляться напору с двух сторон было невозможно.

6 июня 1919 г. Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: "Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в (нечестности?) к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это (как) революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношению к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики". 9 июня Махно телеграфировал Ленину: "Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня... Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста".

Большевики попытались арестовать Махно, но он с небольшим отрядом ушел в леса. Тогда чекисты расстреляли штаб "батько", в том числе и присланного ими же начштаба Озерова. Узнав о гибели своего штаба, Махно начал партизанскую войну в тылу красных. Он старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы в то же время не очень мешать обороне против Деникина. О взглядах "батько" того времени поведал красноармеец П.С.Кудлю. Его свидетельства следует воспринимать с поправкой на язык этого солдата: "Советская власть (имеется в виду центральная советская власть. - А.Ш.) не права тем, что есть чрезвычайки, комиссары, и это все я презираю... Советская власть допустила до того, что нет патронов, снарядов и что, вследствие этого, приходится отступать". Махно обвиняет коммунистов в сознательном вывозе снаряжения "в Совдепию" и сдаче его белым. Стратегические планы Махно предусматривают установление контроля над большой территорией, на которой можно наладить более слаженную, чем до сих пор, хозяйственную систему. В изложении красноармейца это звучит так: "Граждане, когда у нас будет Донецкий бассейн, тогда у нас будет мануфактура и вообще все, что нужно для существования крестьянина... Когда мы завоюем Малую Азию - у нас будет хлопок, когда завоюем Баку, будет у нас нефть". Эти наполеоновские, на первый взгляд, планы связаны скорее не с военными проектами (Махно не любит отрываться от родных мест), а с надеждами на мировую революцию, когда трудящиеся "завоюют" свои страны и наладят связи с украинским крестьянством. Махно надеялся на восстановление временного союза с большевиками. По воспоминаниям прибывшего в его армию В.Волина (он возглавил культурно-просветительскую комиссию ВРС), "батько" говорил: "Главный наш враг, товарищи крестьяне - Деникин. Коммунисты - все-таки революционеры". Но добавлял: "С ними мы

сумеем посчитаться потом". 27 июля махновцами был убит известный противник большевиков националист атаман Григорьев.

Под давлением Деникина большевики вынуждены были отступать с Украины. Бойцы не хотели уходить в Россию. 5 августа к Махно присоединились его части, оставшиеся под командованием большевиков. В руках "батяки" снова оказалась многотысячная армия.

Превосходящие силы белых оттеснили махновцев в западную Украину, под Умань. Но внезапный удар, нанесенный махновцами под Перегоновкой 26-27 сентября, был сокрушающим. Один полк противника был взят в плен, два полностью вырублены. Махновская армия ворвалась в тылы деникинцев и двинулась через всю Украину тремя колоннами в сторону Гуляй-польского района. "Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно, бывшая первое время почти неуловимой, часто нападала на наши обозы, появлялась в тылу и т.п. Вообще же махновские "войска" отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью", - рассказывал начальник штаба 4-й дивизии слащевцев полковник Дубего. Под угрозой оказалась ставка Деникина в Таганроге. Инфраструктура Добровольческой армии была изрядно потрепана, что затормозило деникинское наступление на север, к Москве. С фронта срочно пришлось перебрасывать части Шкуро, чтобы локализовать быстро расширяющуюся зону, контролируемую махновцами.

Оправившись от первого удара, деникинцы отбили прибрежные города и развернулись на Гуляй-поле. Но в этот момент Махно готовил невероятный по дерзости ход. "В Екатеринославе 25 октября был базарный день, - вспоминал один из членов Екатеринославского губкома РКП(б). - Со стороны степи в город вкатилось много подвод, нагруженных овощами и особенно капустой. Часа в 4 дня с верхнего базара начался оглушительный пулеметный бой, оказалось, что под капустой на подводах были пулеметы, а продавцы овощей составляли передовой отряд махновцев; за этим отрядом последовала целая армия, пришедшая со стороны степи, откуда деникинцы нападения не ждали". Это нападение было отбито деникинцами, но их оборона была ослаблена. 11 ноября Екатеринослав на месяц (вплоть до 19 декабря) перешел в руки махновцев. В это время под командованием Махно сражалось 40 тысяч человек.

В освобожденном районе проходили многопартийные съезды крестьян и рабочих. Все предприятия были переданы в руки тех, кто на них работает. Выиграли от этой системы "рыночного социализма" производители продовольствия крестьяне и те рабочие, которые нашли потребителей своей продукции (булочники, сапожники, железнодорожники и др.). Работники тяжелой промышленности были недовольны махновцами и поддерживали меньшевиков. Для нуждающихся махновцы установили пособие, которое раздавалось без лишней волокиты почти всем желающим получить инфляционные совзнаки. На более надежную валюту, добытую в боях, махновцы закупали оружие и выпускали литературу и анархистские газеты.

Каждую из проходящих в Екатеринослав армий жители оценивали прежде всего по грабегам. На общем фоне гражданской войны меры Махно против грабителей можно признать удовлетворительными. По свидетельству одного из жителей города "такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера".

Более серьезной проблемой была контрразведка махновцев - неподконтрольный орган, допускаящий произвол против мирных граждан. Руководитель ВРС анархист В.Волин

утверждал: "...ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контрразведки и обращаться к Махно и в контрразведку. Но боевая обстановка и задача культурно-просветительской работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контрразведки". Контрразведчики расстреляли несколько десятков человек, что гораздо меньше, чем соответствующие органы белых и красных. Но среди казненных были, вероятно, не только шпионы белых, но и политические противники махновцев, например, коммунистический командир Полонский, который по версии контрразведки готовил заговор. Позднее Махно признавал: "На пути деятельности контрразведочных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь перед оскорбленными".

В декабре 1919 г. махновская армия была "накрыта" эпидемией тифа. Тысячи бойцов во главе с командующим на время потеряли боеспособность. Это позволило белым на короткое время отбить Екатеринослав, но в район действия махновского движения уже входила Красная Армия.

Несмотря на то, что реальная военная сила Махно значительно ослабла (армия была поражена тифом), красное командование продолжало опасаться батьки и решило пойти на "военную хитрость" - сделать вид, будто не было расстрела махновского штаба в ЧК, приказа предать его суду военного трибунала, "дела Полонского". Большевики приказали Махно покинуть его район (где повстанцев поддерживало местное население) и двигаться на польский фронт. По дороге махновцев планировалось разоружить. 9-го января, не дожидаясь ответа Махно, Всеукраинский ревком объявил его вне закона. 14 января поступило требование разоружиться. 22 января Махно заявил о готовности "идти рука об руку" с РККА, сохраняя самостоятельность. В это время более двух дивизий красных уже развернули боевые операции против махновцев, среди которых лишь немногие сохранили боеспособность после эпидемии. "Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск... - вспоминал начштаба махновцев Белаш. - Со стороны Екатеринослава в Никополь вошел один советский полк, он занял город и начал разоружать тифозных махновцев... В самом же городе находилось 15 с лишним тысяч тифозных повстанцев. Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые". Началась изнурительная партизанская война против красных. Махновцы нападали на небольшие отряды, работников большевистского аппарата, склады. Они установили "продразверстку наоборот", раздавая крестьянам отобранный большевиками хлеб. Вскоре в армии Махно было уже почти 20 тысяч бойцов. В районе его действия большевики были вынуждены уйти в подполье, и открыто выступали только в сопровождении крупных воинских частей.

Но действия Махно настолько подорвали тылы красных, что способствовали успехам белой армии Врангеля. Подыгрывать "помещикам" Махно не хотел, и 1 октября 1920 г. в Старобельске заключил новый союз с большевиками. Его армия и Гуляй-польский район сохраняли полную автономию, анархисты на Украине получили свободу агитации и были выпущены из тюрем. В Гуляй-поле вернулась мирная жизнь. В район прибыло около 100 анархистов, занявшихся культурно-просветительской работой.

7 ноября собрание рабочих и служащих Гуляй-поля решало вопросы социального регулирования. Постановили: "предприятия должны отдать часть производства в кооператив для распределения между всеми членами кооператива". 15 ноября Гуляй-польский Совет обсуждал перспективы "созидательной работы анархии" в районе. Однако высказывались и скептические мнения: "Большевики никогда не позволят нам самоуправляться, не допустят, чтобы в государственном организме было место, зараженное безвластием". А пока цвет махновских войск (2400 сабель, 1900 штыков, 450

пулеметов и 32 орудия) под командованием Каретникова (сам Махно был ранен в ногу) был направлен на фронт. Одновременно началась дополнительная мобилизация в РККА, к которой крестьяне отнеслись более благосклонно в свете союза красных и Махно. Крестьянское ополчение приняло участие в штурме Перекопа, а кавалерия Каретникова и отряд пулеметчиков Кожина - в форсировании Сиваша, который переходили также четыре красные дивизии.

Победа над белыми приблизила новые испытания для Махно и махновцев. 26 ноября, “без объявления войны”, красные напали на них. Еще утром Каретников со штабом был вызван к Фрунзе на совещание, арестован и затем расстрелян. Но с частями Каретникова все оказалось не так просто - они разбросали обступавшие их красные части и с большими потерями прорвались из Крыма. К северу от Перекопа группа столкнулась с превосходящими силами красных, и от нее осталось только 700 кавалеристов и 1500 штыков.

В Гуляй-поле было больше оснований для беспокойства. Днем 26 ноября стало известно об аресте махновского представительства в Харькове (его члены будут расстреляны в 1921 г.). В ночь с 25 на 26 ноября было также арестовано около 350 анархистов, в том числе Волин, Мрачный, зачинщики забастовок в Харькове. На Гуляй-поле с трех сторон наступали части 42-й дивизии и двух бригад. Одна кавбригада вышла в тыл к махновцам. Постреляв по красным частям, наступавшим с юга, махновцы оставили Гуляй-поле и ушли на восток. С севера в городок вошла кавалерийская интербригада. Ничего не подозревавшие части, наседавшие с юга, атаковали занявших Гуляй-поле кавалеристов. Начался жаркий бой красных друг с другом, что позволило махновцам выйти из окружения. 7 декабря Махно соединился с кавалерийским отрядом Марченко, прорвавшимся из Крыма.

А в это время Фрунзе разворачивал против Махно части трех армий (в том числе двух конных). Почти весь Южный фронт обрушился на повстанцев, уничтожая по пути небольшие группы, не успевшие соединиться с Махно. Но небольшой отряд по пути уцелевшими после первого удара партизанскими частями. Присоединялись и красноармейцы разбитых махновцами частей РККА. После нескольких неудачных попыток окружить повстанцев, огромная масса красных армий прижала их к Азовскому побережью в районе Андреевки. 15 декабря красное командование докладывало в Совнарком: “продолжая наше наступление с юга, запада и севера на Андреевку, наши части после боя овладели окраинами этого пункта, махновцы, сжатые со всех сторон, сгруппировались в центре селения и продолжают упорно обороняться”. Казалось, махновская эпопея подошла к концу.

Однако Фрунзе не учел совершенно уникальных возможностей махновской армии. Махно мог, объяснив задачу, распустить свою армию на все четыре стороны в полной уверенности, что она соберется в указанном пункте в тылу противника и ударит по нему. К тому же махновская армия была “моторизована” - она почти целиком могла передвигаться на конях и тачанках, развивая скорость до 80 верст в день. Все это помогло махновцам 16 декабря выйти из приготовленной Фрунзе западни. “Небольшие группы махновцев уже в это время, во время боя обходили наши части и проскальзывали на северо-восток... Махновцы приблизились к деревне, открыли в темноте беспорядочную стрельбу, чем произвели удачную панику среди красноармейских частей и заставили последних разбежаться” - вспоминает один из красных командиров. Погрузившись на тачанки, махновцы вышли на оперативный простор, громя встречные красные части, которые и представить себе не могли, что противник сможет вырваться из окружения.

Неспособность победить махновцев военным путем толкнула большевиков к наращиванию террора. 5 декабря армиям Южного фронта был отдан приказ проводить поголовные обыски, расстреливать не сдавших оружие крестьян, накладывать контрибуции на села, в черте которых производились нападения на красные части. "Выкорчевывание" махновщины затрагивало и тех, кто перешел на сторону компартии. Так, в конце декабря "революционная тройка" в Пологах арестовала весь ревком и часть его расстреляла на том основании, что члены ревкома служили у Махно в 1918 г. (то есть в период войны с немцами).

Чтобы не подвергать излишней опасности земляков, Махно перешел в декабре Днепр и углубился в правобережную Украину. Переход на правобережье серьезно ослабил махновцев - здесь их не знали, местность была незнакомой, симпатии крестьянства склонялись на сторону петлюровцев, с которыми у махновцев были прохладные отношения. В то же время против махновцев выдвигались части трех кавдивизий. В районе реки Горный Тикич завязались кровавые бои. Махновцы передвигались так стремительно, что сумели застать врасплох командира одной из дивизий А.Пархоменко - он был убит на месте. Но противостоять натиску превосходящих сил противника на чужой территории махновцы не могли. Понеся большие потери у Горного Тикича, махновцы ушли на север и перешли Днепр у Канева. Затем последовал рейд через Полтавскую и Черниговскую губернии и дальше до Беловодска.

В середине февраля Махно повернул в родные места. Им теперь овладела новая идея - распространять движение вширь, постепенно вовлекая в него все новые и новые земли, создавая повсюду опорные базы. Только так можно было разорвать кольцо красных вокруг его армии на колесах. Но это привело к распылению сил Махно. Несмотря на то, что в апреле под общим командованием Махно находилось до 13 тысяч бойцов, к маю он смог сосредоточить для решающего удара в Полтавщине лишь около 2 тысяч бойцов под командованием Кожина и Куриленко. В конце июня - начале июля в боях на Суле Фрунзе нанес махновской ударной группе чувствительное поражение. К этому времени добровольно сдались красным почти три тысячи махновцев. Движение таяло на глазах. После объявления НЭПа крестьяне не хотели воевать. Но Махно не собирался сдаваться в плен. С небольшим отрядом в несколько десятков человек он прорвался через всю Украину к румынской границе. Несколько кавалерийских дивизий пытались найти этот отряд, но 28 августа 1921 г. он переправился через Днестр в Бессарабию.

Оказавшись в Румынии, махновцы были разоружены властями. Нестор с женой был поселен в Будапеште. Большевики требовали его выдачи, и в апреле 1922 г. Махно предпочел перебраться в Польшу. Советская дипломатия и здесь добивалась его выдачи как уголовного преступника. При этом Махно не скрывал своих взглядов, агитировал за советскую власть, и польская администрация на всякий случай отправила группу анархистов из России в лагерь для перемещенных лиц. В июле 1922 г. Махно обратился к властям с просьбой разрешить ему эмиграцию в Чехословакию - более демократическую страну. Но в этом батюшке было отказано - поляки подозревали его ни мало ни много в стремлении поднять восстание в Восточной Галиции в пользу Украинской советской республики. Прокурор окружного суда Варшавы видимо не вдавался в разногласия между российскими революционерами, и по-своему истолковал высказывания Махно в поддержку советов, революции, коммунизма и свободного самоопределения украинцев в Восточной Галиции. 23 мая 1922 г. против Махно было возбуждено уголовное дело. 25 сентября 1922 г. Махно, его вторая жена Кузьменко и двое их соратников - И.Хмара и Я.Дорошенко, были арестованы и отправлены в Варшавскую тюрьму.

27 ноября Махно второй раз в жизни предстал перед судом. Его обвиняли в контактах с миссией УССР в Варшаве и подготовке восстания. После того, как абсурдность этого обвинения стала очевидна, прокурор стал доказывать, что Махно не политэмигрант, а бандит. Возникла угроза, что Польша использует узников как разменную монету в дипломатической игре и выдаст их большевикам.

Уголовные обвинения доказаны не были, и 30 ноября Махно был оправдан. Он поселился в Торуни, где начал публиковать воспоминания и готовиться к новым боям. Одновременно в Берлине Аршинов выпустил первую "Историю махновского движения". После откровенных заявлений Махно о стремлении продолжать вооруженную борьбу с большевиками польское правительство выслало его из страны в январе 1924 г. К этому времени было уже ясно, что в ближайшее время поднять восстание на территории СССР не удастся. Махно перебрался через Германию в Париж, где и прожил остаток дней.

Последние годы Махно не были такими же бурными, как предыдущие, но все же это не было тихое угасание, подобное жизни многих эмигрантов. В Париже Махно оказался в самом центре политических дискуссий. И здесь он снова был "на коне". Французская анархистка И.Метт вспоминала, что Махно "был великим артистом, неузнаваемо перевоплощавшемся в присутствии толпы. В небольшой компании он с трудом мог объясняться, его привычка к громким речам в интимной обстановке казалась смешной и неуместной. Но стоило ему предстать перед большой аудиторией, как вы видели блестящего, красноречивого, уверенного в себе оратора. Однажды я присутствовал на публичном заседании в Париже, где обсуждался вопрос об антисемитизме и махновщине. Меня глубоко поразила тогда удивительная сила перевоплощения, на которую оказался способен этот украинский крестьянин". Махно стал одним из авторов проекта платформы Союза анархистов, вокруг которого в 1926-1931 гг. кипели острые споры в международной анархистской среде.

В тяжелых условиях эмиграции батько держался достойно: "Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я его не видела никогда. Мне говорили, что в последние годы он голодал..." – вспоминает француженка И.Метт. Последние годы Махно жил в однокомнатной квартирке в пригороде Парижа Венсенне. Он тяжело болел туберкулезом, сильно беспокоила и рана в ноге. Семью кормила жена, работавшая в пансионате прачкой. На целую неделю он оставался один. Иногда бродил по улицам. Это были бурные дни в истории Франции. К власти рвались ультраправые. Левые организации собирали митинги против фашизма, временами доходило до столкновений. Зная характер Махно, нельзя исключать, что он участвовал в некоторых из них. Для тяжело больного туберкулезом человека это было смертельно опасно.

"Зимой ему стало хуже, - вспоминает Г.Кузьменко, - и приблизительно в марте месяце 1934 г. мы поместили его в один из французских госпиталей в Париже. По воскресеньям я его часто там навещала. Здесь я встречалась с его многочисленными товарищами, как русскими, так и французами". Состояние здоровья Нестора Ивановича продолжало ухудшаться, не помогла и проведенная в июне операция. Г.Кузьменко так описывает последний день жизни Махно: "Муж лежал в постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на поздний час, разрешили здесь присутствовать. Я поцеловала Нестора в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери,

слабым голосом произнес: “Оставайся, доченька, здоровой и счастливой.” Потом закрыл глаза и сказал: “Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть...” Пришла дежурная сестра, спросила его: “Как чувствуете себя?” На что он ответил: “Принесите кислородную подушку...” Он уснул и больше не проснулся.

Трудно представить себе, как бы сложилась история России, а может быть и мира, если бы Нестор Махно все-таки был бы казнен в 1910 г. Исторические развилки иногда зависят от таких обстоятельств. Нет талантливого вождя - нет и революционной армии. В тылу Деникина не разворачивается махновская “республика”, не разрушает коммуникации, не оттягивает на себя войска. Белая армия врывается в Москву. Рассыпается большевистский режим. Но лучше ли другая власть – диктатура настроенной на месть аристократии. Вечная проблема европейской истории XX века - выбора между коммунизмом и фашизмом. Без Махно могло не быть успешного форсирования Сиваша в 1920 г. Но без того же Махно военно-коммунистическая машина большевиков работала бы более слаженно, и, кто знает, ворвалась бы в Центральную Европу уже в 1919 году. А Новая экономическая политика 1921-1929 гг., многому научившая мир? Пошли бы на нее большевики, если бы не успехи Махно и Антонова, если бы не Кронштадское восстание, отчасти также вдохновленное махновским опытом? Да и значительная часть антифашистских бойцов во время гражданской войны в Испании повторяла имя Махно, готовясь к атаке. Махно уже умер, а его образ вдохновлял людей на сопротивление красному и коричневому тоталитаризму, расплзавшемуся по Европе.

Александр Шубин.